

говорит ему: «Прииде, чадо Никито, в шестый час дне ко храму пресвятыя владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии, к честному ея покрову над ров и тамо мя узриши, и аз дам ти нечто пити, и тако молитвы пресвятыя богородицы помогут ти, и здрав будеши». Никита идет на указанное место, встречается там незнакомца, который дает ему выпить какой-то жидкости, и «от того часа блаженный Никита здрав бысть» (л. 27—29 об.). Вслед за этим рассказывается о пророчестве некоего божьего человека, живущего «на Кулишках», Никите, которое заключается в том, что этот божий человек говорит пришедшему к нему Никите: «Откуда убо прииде семо, Хозюский пустынный?». Задумавшийся над этими словами Никита постригается в монахи, и вот только после этого и начинается рассказ о подвигах святого во славу бога.

На примерах из житий Адриана Пошехонского и Никодима Кожеезерского мы видим, как в житийный жанр под влиянием реальной жизни проникают эпизоды, хотя и связанные с традиционными житийными мотивами (история жизни святого до пострижения, нападение разбойников на монастырь), но по содержанию и характеру своему представляющие уже такие рассказы, в которых преобладает не церковно-религиозная назидательность, а увлекательная сюжетность.

Интерес читателей к повествовательной стороне жития, к рассказам о необычайных, достопримечательных, но жизненно-убедительных случаях приводит к тому, что на Севере появляется особый вид житий. По существу, эти жития уже полностью рвут с канонами житийного жанра. Собственно житийная часть произведения исчезает в них совсем: здесь передается краткий пересказ устного легендарного предания о святом, а затем идут рассказы о чудесах, творимых этим святым. Характерно, что святые здесь никаких подвигов во славу церкви не совершают. Народное воображение поразило какой-то необычайный случай, происшедший с самым обыкновенным человеком, и это послужило созданию легенды о нем. И уж затем возникающие в местной среде предания о якобы совершающихся по воле этого легендарного человека чудесах способствуют причислению его к лику святых и созданию его жития.

Варлаам Керетский (Житие нач.-сер. XVII в.), священник Никольской церкви в Коле, убил свою жену (в Житии это объясняется кознями дьявола, а в устных преданиях о Варлааме — ревностью). Раскаившись в совершенном, Варлаам добровольно наложил на себя тяжкий искус: с телом убитой жены он плавает в ладье вдоль берега Кольского полуострова, «дондеже оно мертвое тело тлению предастся».¹⁷ Около Святого Носа какие-то морские черви протачивали все проходившие там суда. Варлаам молится богу, и эти черви, по его молитве, «без вести сотворишася, и путь мореходцем около Святаго Носа сотворил даже и донныне». Увидев в этом ниспосланное ему от бога прощение, Варлаам «оставляет мир и бывает инок, и в пустыню вселився и, божиею помощию бесовския полки победив, с миром ко господу отиде в Чюпской губе. Оттоле же пренесено бысть святое тело его в Кереть и погребено близ церкви святаго великомученика Георгия с восточной стране за олтарем». После этого краткого повествования о жизни святого идут рассказы о чудесах, которые и составляют основное содержание Жития.

Артемий Веркольский (Житие XVII в.), сын земледельцев «от предел Кевролския страны»,¹⁸ с младенческих лет отличался смирением, при-

¹⁷ Текст цитируется по изданию: Л. А. Дмитриев. Повесть о Житии Варлаама Керетского. — ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 191—196.

¹⁸ Текст цитируется по списку ГБЛ, собр. Тихонравова, № 281.